

ПОНЯТИЕ «ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС» С ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Новикова Марина Геннадьевна

Д.филол.н., профессор, Российский государственный
университет правосудия (Москва)
Novikova_mg@mail.ru

"LEGAL DISCOURSE" CONCEPT FROM THE POINT OF VIEW OF TRANSLATION STUDIES

M. Novikova

Summary: The article provides a comparative analysis of the works by Russian and English-speaking researchers in the fields of jurisprudence and linguistics devoted to the problem of legal discourse. The results obtained together with the translator's cognitive operations when perceiving the source text served the basis for creating a definition for the «legal discourse» concept from the point of view of translation studies.

Keywords: legal language, legal discourse, cognitive operations, translation.

Аннотация: В статье осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ работ отечественных и англоязычных исследователей в областях юриспруденции и языкознания, посвящённых проблеме юридического дискурса. Полученные данные и учет когнитивных операций при восприятии переводчиком исходного текста послужили основой для создания дефиниции понятия «юридический дискурс» с переводческой точки зрения.

Ключевые слова: юридический язык, юридический дискурс, когнитивные операции, перевод.

При написании работ по терминологии чаще всего внимание уделяется конкретной научной отрасли и исследование получается достаточно узконаправленным. Переводоведение, по своей природе, расширяет объект научного анализа, сводя воедино различные культуры, научные школы, когнитивную деятельность переводчика.

В настоящей статье актуальны сопоставления точек зрения на проблему юридического дискурса англоязычных и отечественных специалистов в областях юриспруденции и языкознания.

Понятие дискурса неразрывно связано с понятиями речь и язык. Если рассматривать язык с точки зрения Ф. де Соссюра, то он представляет собой определенную систему правил, по большей мере соблюдаемых каждым носителем ИЯ для управления речью. Речь, как акт речевой деятельности, обладает многими характеристиками (фонетическими, интонационными и т.п.). Нас же интересует исключительно та, которая составляет план значения. Это не конкретная речь, а, в терминах Э. Бюиссанса, «её функциональная абстракция» [Бюиссанс, 2016]. Другими словами, это то смысловое содержание, своего рода концептуальная абстракция, которая составляет коммуникативный посыл речевого акта. В ситуации перевода подобная концептуальная абстракция и подлежит передаче средствами ЯП. Э. Бюиссанс называет подобную абстракцию дискурсом. Соответственно, язык несет на себе функцию правил использования дискурса как одной из составляющих речи. Но это не единственная функция языка в отношении юридического дискур-

са. Само понятие «юридический язык» представляется несколько обособленным как в отечественной, так и зарубежной науке. Исходя из хайдеггеровского постулата – «язык – дом бытия», постараемся объяснить подобное обособление.

Обратимся к известной метафорической дефиниции Н.Д. Арутюновой, характеризующей дискурс в широком смысле слова как речь, погруженную в жизнь [Арутюнова, 1990: 137]. Экстраполяция данного вывода на частное описание термина – *юридический дискурс* – это *речь, погруженная в юридическую жизнь* или *юридический дискурс* – это *языковая жизнь индивида в области юриспруденции*, позволяет выделить два ключевых понятия – «язык» и «жизнь». Последний феномен синонимичен термину «бытие».

Размышления М. Хайдеггера о сути бытия характеризовались направленностью на личность (в отличие от общеприимской категории «бытия», означавшей связь между духовным, социальным и природным началами), что способствовало возникновению феномена «бытия-сознания, т.е. того, что имеется ввиду, когда мы говорим о самих себе, мир воспринимающих...» [Хайдеггер, ЭР]. Возможно предположить, что в когнитивном преломлении хайдеггеровских изречений, бытийность – это как минимум возможность идентификации интересующей сущности и ее дискурсивное выражение. Соответственно, язык в области юриспруденции выражает правовое бытие личности.

Исходя из исследований Г. Блумера, правовое бытие

заклучается в *представлениях* социума о правовой реальности. Следовательно, правовая реальность является прежде всего воображаемой и символической. Диахронически и синхронически правовое языковое бытие возникло и продолжает формироваться из процессов символических коммуникаций, что привело к замещению *нормативного языка природного, биологического общения нормативным языком социокультуры* [Блумер, 2017]. Феномен права существует в определениях языка своей социокультуры, ее юридического словаря, логики и грамматики, в том числе языка ожиданий и настроений, переживаний и представлений, оценок и отношения к праву [Корнев, 2018]. Другими словами, юридический язык возможно охарактеризовать как искусственно созданную систему правил для описания символического правового бытия и управления юридическим дискурсом.

Понятие юридического дискурса (legal discourse) активно изучается отечественными и зарубежными учеными, которые во многом приходят к схожим выводам. Большинство исследователей связывают «юридический дискурс» с набором устных и письменных (текстом) высказываний по правовой тематике.

Так, американский правовед П. Гудрич определяет юридический дискурс как «методологию чтения юридических текстов, которая помещает коммуникативные или риторические функции закона в их институциональный и социолингвистический аспект» [Goodrich, 1987: 205].

В.Н. Руднев представляет юридический дискурс в качестве «совокупности устных и письменных средств, с помощью которых освещаются и разрешаются правовые вопросы, коллизии» [Руднев, 2018: 20].

О.А. Крапивкина и Л.А. Непомилов описывают данный феномен как «совокупность высказываний по вопросам правовой действительности, основными функциями которых являются предписание, убеждение, провозглашение и информирование. Функционируя в правовой сфере данный вид коммуникации имеет институциональную природу, перформативный и интертекстуальный характер, реализуясь преимущественно в письменной форме» [Крапивкина, Непомилов, 2014: ЭР].

Другая схожая черта – это учет роли участников правовой коммуникации, помимо текстовых и институциональных характеристик.

Например, В. Кварцински полагает, что юридический дискурс состоит из контекстуализированных высказываний (текста), служащих определенной (главной) коммуникативной цели, которая соответствует перлокутивному намерению автора изменить правовую ситуацию – намерению, запечатленному в тексте и от-

раженному в действительной иллокутивной силе его составляющих высказываний [Kwarciński, ЭР].

С точки зрения И.В. Палашевской, юридический дискурс – «это разновидность институционального дискурса, представляющая собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых представлений и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения» [Палашевская, 2010: 535].

И.Д. Назаров определяет юридический дискурс в качестве части «институционального дискурса, который характеризуется ориентированно обусловленным взаимоотношением его субъектов, исходя из выбранных ими речевых и поведенческих тактик, основывающихся на конкретных правовых и нравственных нормах в определенной ситуации юридической коммуникации» [Назаров, 2017: 26].

Основное различие в понимании сущности термина «юридический дискурс» отечественными и зарубежными учеными состоит во включении в рамки анализируемого терминопонятия последними феноменов «юридического жеста», «юридической обстановки» и т.п.

Интересными в этой связи представляется следующее определение:

«Legal discourse signifies a strong interplay between law and language, linking together law as like language and law as itself language ... The theory of law-as-discourse takes inspiration from the study of legal rhetoric and from socio-legal analyses of the courtroom, but was developed in its own right in the post-structuralist turn in linguistics. Law-as-discourse requires an understanding of the operation of legal talk in different registers, and **gestures** towards an intertwining of the social, the legal and the linguistic by focusing on the speaker-hearer **situation, locution and action**» [Brown, Beverley, ЭР].

Юридический дискурс представляет собой тесное переплетение понятий языка и закона ... Источником возникновения теории юридического дискурса можно считать момент изучения риторики права и социально-правового анализа зала суда. Однако детальное освещение теории получила в период постструктуралистского поворота в лингвистике, ибо закон в дискурсивном преломлении требует понимания не только высказываний различных юридических направлений, но и учета **жестов, места действия**, социальных, юридических и лингвистических нюансов в правовой ситуации «говорящий – слушающий» (интерпретация наша – НМ).

«Legal discourse, as an umbrella term, could be used to address the whole spectrum studying legal phenom-

ena, not only written, such as legislation, but also spoken, such as courtroom interaction, as well as **non-verbal**, such as physical evidence and the physical setup of courtroom» [Cheng, Danesi, 2019, ЭР].

Термин «юридический дискурс» в широком понимании может использоваться для обозначения всего спектра юридических феноменов, не только письменных, таких как законодательные документы, но и устных, таких как коммуникация в зале суда, а также **невербальных**, таких как вещественные доказательства и особенности планировки зала суда (интерпретация наша – НМ).

Подобное внимание зарубежных исследователей к жестам неслучайно и исторически обусловлено. Под «юридическим жестом», входящим в составляющие юридического дискурса, подразумевается любое намеренное движение тела или символическое действие конвенционального характера, которое означает какое-либо юридическое изменение. Так в древних и средневековых обществах жесты являлись необходимыми составляющими практически всех базовых юридических сделок. Например, в соответствии с древним Месопотамским законом, умирающий человек мог назначить наследника непосредственно взяв его за руку. В средневековых законах Англии и Франции участники контракта официально заключали его, ударив друг друга по рукам. В Германии того времени на заседании суда свидетели могли отказаться от принесения клятвы или дачи показаний скрестив руки перед собой. Примером современного юридического жеста является поднятие свидетелем правой руки перед принесением клятвы говорить только правду [Hibbitts, 1996].

В отечественных исследованиях не удалось найти информацию о формализованных юридических жестах в истории развития русского права. Немногочисленные источники древнерусского права – Русская правда (полное название исторического памятника – «Суд Ярослава Владимировича. Правда русская» или «Устав великого князя Ярослава Владимировича о судах. Суд о душегубстве. Правда русская» [Малиновский, 1907: 208]), содержащие преимущественно нормы уголовного права и процесса, повествуют о своеобразных действиях юридического характера в правилах об осуществлении правосудия и доказывании. Так, для подтверждения собственной правоты, участники тяжбы могли держать руку в огне, проходить через костер, держать в руках раскаленное железо и т.д. Выдержавший испытание считался оправданным от обвинений. Так же, для разрешения спора участники процесса либо их свидетели совершали поединок. Проигрыш или отказ от поединка одного из участников означал проигрыш им дела [Большой юридический словарь, ЭР; Татаркина, ЭР]. Однако подобные поединки и ордалии широко практиковались и в зарубежном древнем праве, но в понятие «юридического

дискурса» они не включаются.

Другое отличие в понимании сущности термина «юридический дискурс» лингвистического характера: терминопонятию «legal discourse» соответствуют лексемы «юридический дискурс» и «правовой дискурс».

Например, А.М. Пономарев под «правовым дискурсом» понимает: «совокупность тематически однонаправленных высказываний, кодируемых различием “правовое/неправовое”, содержанием которых являются отношения с характеристикой “обладающие свойством юридичности”. Эти высказывания строятся по модели логических определений, высказываний и суждений, а система в целом способна рефлексировать основания дискурсивных высказываний. Рефлексия осуществляется в форме операционализации понятия “права” в мета-теории, каковой с изложенной точки зрения выступает содержательный анализ категории “трансцендентальный субъект”» [Пономарев, 2012: 32].

Мнения отечественных ученых разделяются: часть из них считает лексемы «юридический» и «правовой» синонимичными в определении феномена «дискурса», другие делают различия.

Убедительным, в этой связи, является мнение Ю.А. Веденеева: «Если право – это правила, ценности и концепты в их культурно-исторических отношениях или языки, на которых говорит юридическая практика, то логично предположить, что юриспруденция – это наука о системах правил, ценностей и концептов в их культурно-исторических определениях. Или комплексная научная дисциплина, включающая в себя и феноменологию, и аксиологию, и эпистемологию права исходя из структуры их общего предмета» [Веденеев, 2019: 35]. Следовательно, понятие «юридический» шире понятия «правовой» и релевантно в терминопонятии «юридический дискурс».

Таким образом, для настоящего исследования будет являться адекватным определение юридического дискурса, связанное с процессом перевода, включающее в себя текст по правовой тематике, учет роли участников правовой коммуникации, юридические жесты и учет обстановки зала суда. Становится очевидным, что понятие дискурса расширяется по сравнению с определением, предложенным Э. Бюиссансом.

Под текстом по правовой тематике следует понимать текст нормативно-правовых документов. Участниками правовой коммуникации являются законодатель и правоприменитель.

В ситуации перевода переводчик сталкивается с необходимостью совершения нескольких когнитивных операций для вычленения концептуальной абстракции

нормативно-правовых документов или юридической речи (синхронный перевод в данном случае не учитывается) и её передачи на ЯП.

Во-первых, это осуществление **«предпонимания»** ИТ, которое включает в себя реконструкцию внеязыкового фона текста (исторических, социокультурных, нравственных и пр. факторов), непосредственно влияющих на понимание системы текстовых смыслов, а также лингвистический предпереводческий анализ текста для создания прообраза смысла.

Во-вторых, это осуществление **«понимания»** ИТ, при котором проясняются все смысловые нюансы исходного текста, т.е. происходит «преображение» языкового значения текстовых элементов в дискурсивное, заключение своего рода союза семантики с прагматикой. Под пониманием следует подразумевать и осознание конкретного правоприменения содержания ИТ, ибо истинное «понимание правовых норм достигается в процессе правоприменения, а не грамматического или лингвистического анализа» [Пычева, 2005: ЭР].

В-третьих, это осуществление **«интерпретации»**, в результате которой переводчик, в соответствии со стратеги-

ями «доместикации» или «форенизации», готовит от одного до нескольких дискурсивно эквивалентных вариантов перевода одного и того же смыслового фрагмента ИТ.

Наконец, это осуществление «переводческого решения», т.е. выбора оптимального, с точки зрения переводчика, варианта перевода из имеющихся для конкретного текстового фрагмента, «полученного путем выбора наиболее редуцированного подхода к стратегии и тактике решения проблемы «непереводимости», преодоления чуждости ИТ на соответствующих когнитивно-коммуникативных и прагматических уровнях взаимодействия ИТ и ПТ» [Мишуров, Новикова, 2020: 265].

Анализ вышеизложенного позволяет сделать вывод о том, что с переводческой точки зрения юридический дискурс – это актуализация коммуникативности (представляющей собой концептуальную абстракцию исходного сообщения) ИТ нормативно-правовых документов в сознании переводчика с учетом распределения функций законодателя и правоприменителя в каждом конкретном случае по средствам когнитивных операций предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения в соответствии с правилами управления рабочей пары языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.
2. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-209-7.htm#zag-6219>.
3. Блумер Г. Символический интеракционизм. М., 2017.
4. Веденеев Ю.А. Юриспруденция: между догматическим наследием и языком новой аналитики // Теория права. № 4 (149) апрель 2019. С.31-55.
5. Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык // Political science (RU), 2016. №3. С.209 – 216.
6. Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5-12.
7. Крапивкина О.А., Непомилев Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Электронный научно-практический журнал «Гуманитарные научные исследования», 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855>.
8. Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. Томск: Типо-литография Сибирского Товарищества печати, 1907. Вып. 1. Программа. Введение. Источники. С. 208.
9. Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.
10. Назаров И.Д. К вопросу о содержании юридического дискурса и юридического языка: философско-правовой анализ // Философские науки. Дискурс №2, 2017. С. 21-28.
11. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 535-540.
12. Пономарев А.М. Некоторые дискурсивные аспекты анализа права // Дискуссия. 2012. № 2. С. 29-32.
13. Пычева О.В. Герменевтика уголовного закона. Автореф. дис. ... к.юр.н. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://lawtheses.com/germenevtika-ugolovnogo-zakona#ixzz5oNTFqFAu>.
14. Руднев В.Н. Культура речи юриста: учебник и практикум для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2018.
15. Татаркина К.П. Формы сделок в гражданском праве Древней Руси. [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakon.kz/203286-formy-sdelok-v-grazhdanskom-rave.html#_ftnref10.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. Институт философии Российской академии наук. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphras.ru/page51512949.htm>.
17. Brown, Beverley Legal Discourse // Routledge Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-discourse/v-1>.
18. Chang L., Danesi M. Journal <https://www.tandfonline.com/toc/csos20/currentVolume29>, 2019. Issue 3: Special Issue: Exploring Legal Discourse: A Sociosemiotic (Re)construction. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10350330.2019.1587841#:~:text=Legal%20discourse%2C%20as%20an%20umbrella,the%20physical%20setup%20of%20courtroom>.
19. Hibbitts B.J. Re-membering Law: Legal Gesture in the Past, Present and Future, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.pitt.edu/archive/hibbitts/>

re_mem.htm.

20. Goodrich P. Legal Discourse. London: Macmillan Press, 1987.

21. Kwarciński W. What is legal discourse? – a pragmatic account [Электронный ресурс]. URL: http://wa.amu.edu.pl/plm_old/2003/abs_kwarcinski.htm.

© Новикова Марина Геннадьевна (Novikova_mg@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

